

Андрей Охоцимский

Святая вода, протестантская иеротопия и иконология голландской живописи Золотого века

Эта работа продолжает статью «Святая вода, реформация и протестантская иеротопия», представленную в 2014 г. на симпозиуме по святой воде. Основным идейным стержнем этой работы был параллелизм истории воды в христианстве и истории отношения к материальному вообще. Конечным пунктом истории воды стала её роль в протестантской революции чистоты, которую я позволил себе назвать «протестантской иеротопией». Революция чистоты отражает позитивный взгляд на материальное в протестантской культуре. Это было новое видение как сакрального, так и материального, в котором церковные таинства утратили свою божественность, а обыденное и повседневное приобрело новую ауру сакральности. Возникло восхищение природой как Божьим Творением и сакрализация непосредственного окружения верующих: семьи, дома, домашнего уюта. Генезис этой новой сакральности и рассматривается в данном докладе в духе иеротопического подхода, а голландское искусство 17 века – как иконография этой сакральности.

Наш рассказ начинается с возникновения святой воды. Необходимость освящения воды в христианстве существенно связана с библейским учением о грехопадении. Вода является частью падшего материального мира, проклятого за грех человека. Чтобы стать проводником благодати, вода нуждается в освящении. Первый теоретик святой воды, Тертуллиан, писал, что при освящении в неё проникают флюиды Божественной Благодати. Однако, он также подчеркивал способность воды впитывать и переносить демонические воздействия.

Представления о воде, как о живой субстанции, способной воспринимать и передавать духовные воздействия, складывались в глубокой древности, когда видимый мир считали живым организмом. Эта жизненная активность воды может быть направлена по-разному и напоминает в чем-то самого человека, который может выбирать между добром и злом. В Средние века, святая вода

стала носителем Благодати, а обычная вода — источником духовных опасностей.

Водобоязнь стала важной частью европейского средневекового менталитета. Мытье рассматривалось как греховное услаждение тела. Св. Бенедикт говорил, что грязное тело — это храм благочестия. Бани отождествлялись с борделями и практически исчезли в эпоху позднего средневековья, когда водобоязнь еще усилилась в связи с эпидемиями чумы. Так как чума могла передаваться через воду, возникло поверье, что вода опасна сама по себе.

В то же время святая вода стала необыкновенно популярной: её используют как лекарство, ей окропляют дома и поля, о её применении издаются книги. Монахам рекомендовалось ежедневно окроплять святой водой свою келью и постель. Для защиты от порчи святую воду хранили в монументальных купелях, которые закрывали тяжелыми крышками, чтобы предотвратить проникновение внутрь демонов, а также воровство. Причащение в то время среди массы населения было нечастым, и святая вода оказалась основным материальным носителем благодати. Если причастие открывало путь в вечную жизнь, то святая вода помогала здесь и сейчас.

В эпоху Реформации, освящение воды, наряду с евхаристией, оказалось в центре богословских дебатов. В западной традиции вода, добавляемая в вино, является одним из «элементов» евхаристии. Отсюда возникала неявная связь освящения воды с евхаристией. Эту связь можно проследить по дискуссиям ранней Реформации: интерпретация освящения воды различными партиями коррелировала с интерпретацией евхаристии. Католическая концепция транссубстанции влияла и на католическое понимание освящения воды. В протестантизме мы видим спектр мнений, причем крайние протестанты отрицали освящение воды вообще.

Умеренные протестанты сохраняли молитвы на освящение воды, хотя и в сильно урезанном виде. Из обряда освящения постепенно устранили формулы экзорцизма, т.е. природная вода больше не предполагалась одержимой бесами. Однако умаление роли освящения сочеталось с возрастанием значения самой воды: крещение стали рассматривать как главный христианский обряд и настаивали на полном погружении. Таким

образом, церковная святая вода лишилась своей святости, зато природная вода возвысилась до роли Божьего инструмента и стихии духовного рождения. Это новое видение крещенских вод предвещало глубокие изменения отношения к природе и к материи вообще. Возвышение мирского и освящение повседневного становилось важной частью нового мировоззрения. Церковная сакральность утратила силу, но Божье благословение осветило обычный человеческий мир, в особенности окружение верующих, не столь ярким, но устойчивым светом новой сакральности.

Изменение отношения к воде следовало за новым отношением к материальному, которое ярко выразилось в теоретическом направлении, получившем название «естественное богословие». Его основной доминантой было восхищение природой как чудесным и мудрым Божьим Творением. При этом естественные науки становились формой богослужения, а изучаемая природа созерцалась как икона Божества. Ученые поклонялись мудрости Бога-Творца путем конкретного исследования сложности и целесообразности Божьего замысла.

Князь философов Аристотель был свергнут с пьедестала вместе с другими католическими идолами, и его место занял Платон и неоплатоники. Через совершенство видимой природы сияла гармония вечных идей. Под влиянием платонизма формировалась не только наука, занятая поиском богоданных законов мироздания, но и творчество инженеров, пытавшихся имитировать божественное совершенство трудами человеческих рук.

Протестантский оптимизм в оценке материального мира вступал в противоречие с учением о первородном грехе. Когда же этот падший мир вдруг превратился в чудную «божественную мастерскую»? Этим моментом оказался потоп, который понимался не просто как очищение, но как пересоздание земли. Научная теория потопа следующая этим принципам была предложена Томасом Бэрнетом в его труде «Священная история земли», оказавшем значительное влияние на современников.

Протестантское видение потопа сыграло важную роль в голландской революции чистоты. Риск наводнений был здесь частью нормального образа

жизни. Катастрофические наводнения происходили несколько раз за столетие, когда дамбы разрушались во время сильных штормов. Затопленные территории впоследствии опять осушались. Каждое наводнение воспринималось как новый потоп: оно было Божьей карой, но также обновляло завет с Богом на омытой и как бы «крещеной» земле. Вспомним какое центральное место в протестантизме занимает крещение. Поэтому общехристианское сопоставление потопа с крещением приобретало особый вес. Выжившие голландцы мыслили себя семьей Ноя, спасенным избранным народом. На очищенной потопом земле Бог обустроивал мир руками своих избранников. Эта освященная земля приобретала характеристики сакрального пространства и требовала соответствующего отношения. Так формировалась своеобразная протестантская иеротопия чистоты.

Чистота улиц в Голландии 17 века была необыкновенна и разительно отличалась от состояния европейских городов в эту эпоху. Современники с удивлением писали, что, по улицам можно ходить в домашних туфлях. В городах запрещалось плевать. Борьба за чистоту улиц понималась как натуральная борьба с дьяволом и освящение пространства. В идеологии победившего протестантизма дьявол ослабил свою хватку, и его стало возможно победить с помощью воды и швабры. Освобождаемый от нечистой силы мир заблистал чистотой.

Святость стала сближаться с чистотой. В первый и в последний раз в мировой истории дама с метлой становится предметом высокого искусства, своего рода ангелом чистоты. Метла стала важным элементом новой иконографии (Figure 1, Figure 2). Другой элемент иконографии домашнего уюта – одинокий тапочек, который также часто возникает на передних планах. Привычка ходить в доме только в тапочках и в обязательном порядке разувать гостей была важным завоеванием революции чистоты. Еще один элемент образа домашнего уюта – грелка для ног (Figure 3). Это деревянный ящичек с дырками сверху, в который ставился керамический сосуд с углями. В картинах домашнего быта грелка – буквально на каждой второй картине. Отметим, что в распространенных бордельных сценах ни тапочек, ни грелок, ни метел не наблюдается, а клиенты изображены в верхней одежде и сапогах. Статус борделя близок статусу улицы.

От сакрализации домашнего уюта перейдем к сакрализации природы. Займемся букетами цветов. Настроение этих картин самоочевидно, и они столь же уникальны, как дамы с метлами. Таких громких и выразительных гимнов природе в изобразительном искусстве не пели ни до, ни после. Букеты рисовались не с натуры, а по образцам цветов, имевшихся в каждой мастерской, и составлялись уже на картине. Эти иконы божьего творения были в таком же массовом производстве, как и православные иконы в России в эту же эпоху.

Пружинные часы были частым гостем цветочных букетов, делая очевидной их связь с тематикой естественного богословия, в котором уподобление природы часовому механизму было общим местом (Figure 4). Важно отметить отсутствие деистических коннотаций. Часы фигурируют не как символ детерминированности природы, а как указание на её системную сложность и целесообразность. Сравнение природы с часами часто соседствует с её сравнением с человеческим организмом.

В литературе встречается мнение, что как цветы, так и часы указывают на временность земного бытия и его преходящий характер. Однако буйная жизненность и смачная субстанциальность цветов совсем не вяжутся с указанием на их эфемерность. Важно также отметить, что часы в сочетании с цветами почти всегда изображаются с открытым механизмом. В моей коллекции около полутора десятков примеров таких часов в произведениях четырех художников. Очевидно ведь, что в таком виде часы никто не использует. Демонстрация пружинок и шестеренок призвана подчеркнуть взлет технического прогресса: часы были в то время наиболее сложным из созданных человеком механизмов. Часы по размеру и форме рифмуются с цветами, подчеркивая что дела рук человеческих продолжают Божье Творение.

Подчеркну, что в трудах естественных богословов деизм осуждался. Джон Рэй писал, что возникновение и рост каждого дерева или цветка из семени – это такое же чудо, как первоначальное творение и является прямым Божиим действием. Сочетание букетов с часами позволяло как воспеть восхитительные плоды Божьего творения, так и уподобить им более скромные, но все же впечатляющие плоды рук человеческих

Заключение

Проследив историю святой воды, мы увидели её трансформацию в инструмент очищения и освящения мира как в Божьих, так и в человеческих руках. Мы видели, как революция чистоты сочеталась с сакрализацией материального окружения человека, его дома, и живой природы. Мы оценили голландскую живопись как иконографию этой новой сакральности.

Figure 1. P. Ellinga. Женщины читают подметают, 1670. Воспевание домашнего уюта и чистоты, характерное для всех интерьеров Золотого века, в этой картине особенно явно. Сопоставление с холодными и почти враждебными интерьерами старых соборов поможет ощутить, куда переместилась сакральность.

Figure 2. Слева: J. Vermeer. Любовное письмо, 1670. Справа: P. De Hoogh. Пара с попугаем, 1668. Метла была важным элементом новой иконографии. Слева служанка передает благородной даме любовное письмо. В другой картине мы видим парочку влюбленных. В искусстве других эпох метла в таком контексте была бы немыслима. В картине справа художнику показалось мало одной метлы, и она дополнена ведром для воды. Эти реликвии новой сакральности находятся на авансцене, которая напоминает внутренность чулана. В произведениях последующих эпох такое намеренное смешение поэзии и прозы невозможно. Однако в уникальной атмосфере этого искусства домашняя чистота и уют столь же возвышенны, как романтические чувства и прекрасно с ними сочетаются.

Figure 3. Слева: G. Metsu. Дама, играющая на клавесине, 1665. Справа: J. Steen. Больная девочка. 1662. Помимо метлы, важный элемент иконографии домашнего уюта – тапочек, почему-то почти всегда в единственном числе и на переднем плане. Еще один элемент образа домашнего уюта – грелка для ног. Это деревянный ящичек с дырками сверху, в который ставился керамический сосуд с углями (у правого края на картине справа).

Figure 4. Willem van Aelst. Букеты с часами. Пружинные часы были частым гостем цветочных букетов, делая очевидной их связь с тематикой естественного богословия, в котором уподобление природы часовому механизму было общим местом. Часы фигурируют не как символ детерминированности природы, а как указание на её системную сложность и целесообразность. Часы по размеру и форме рифмуются с цветами, подчеркивая что дела рук человеческих продолжают Божье Творение.